

Виктор Викторович Котов

Независимый исследователь, Москва, Россия.
E-mail: vikvikkot@gmail.com

Образ династии Габсбургов в мышлении чешских националистов в 1860-е — начале 1870-х годов (на примере сокольского движения)

В статье анализируется восприятие чешскими националистами австрийского императора Франца Иосифа I и других представителей династии Габсбургов. Затрагиваемая в ряде работ по чешской политической истории, эта проблема впервые рассматривается на примере периода становления сокольского движения, возникшего на рубеже 1861–1862 гг. Сокольские общества объединяли приверженность чешскому национализму и занятия широко понимаемой гимнастикой. Изучение данной проблемы осуществляется в первую очередь на материале чешской националистической прессы 1860-х — начала 1870-х годов. В работе затрагиваются такие вопросы, как соотношение республиканских и монархических ценностей; связь образа Габсбургов с различными интерпретациями австрийской идеи (надэтническая, многонациональная и германская); балансирование «австрийскости» между положением вторичной идентичности и антиидентичности в мышлении чешских националистов; различные пласты монархизма жителей так называемых чешских земель (традиционный, конституционный и националистический); религиозный характер идеологий австрийского подданства и чешского национализма; отличие образа Габсбургов в мышлении австро-немецких националистов (включая гимнастов-турнеров — конкурентов «соколов»); связь церемонии коронации и концепции чешского исторического государственного права; формы высказывания критики монарха; образы Иосифа II и Фердинанда I. Отдельно рассматриваются ряд событий, послуживших поводом для выражения изменчивых представлений чешских националистов о соответствии династии Габсбургов их интересам, включая визиты в Богемию и Моравию Франца Иосифа I в 1866 и 1868 гг. и его сына и наследника Рудольфа в 1871 г., а также влияние на эти представления заключения Австро-венгерского соглашения в 1867 г. и, наконец, подготовки и провала «Фундаментальных статей» в 1871 г. Представленное исследование подтверждает тезис об изменчивом и многогранном характере образа династии Габсбургов в мышлении чешских националистов и может послужить подспорьем для дальнейшего сравнительного изучения трансформаций множественных лояльностей подданных различных империй «долгого XIX в.».

Ключевые слова: Австро-венгерское соглашение, австрийская идентичность, кронпринц Рудольф, чешский монархизм, чешский национализм, Франц Иосиф I, «Фундаментальные статьи» (1871), политическая лояльность, сокольское движение

Цитирование: *Котов В. В.* Образ династии Габсбургов в мышлении чешских националистов в 1860-е — начале 1870-х годов (на примере сокольского движения) // *Центральноевропейские исследования.* 2022. Вып. 5(14). М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2022. С. 164–194. DOI: 10.31168/2619-0877.2022.5.7.

Сравнение исторических явлений с различными теоретическими моделями представляется действенным способом расширения круга вопросов исследования. Историк Алексей Ильич Миллер подверг критике предложенное философом Эрнестом Геллнером (1925–1995) определение большей части «долгого XIX в.» в Центральной Европе как «эпохи ирредентизма» в том числе в связи с несоответствием этой модели примеру чешского национального движения¹. Известно, что среди представителей последнего лозунг борьбы за государственную независимость не пользовался значительной поддержкой вплоть до начала Первой мировой войны. Позднее подобным образом историк Петер Бугге обратил внимание на несоответствие чешского национализма данному Геллнером определению такого рода движений². Философ связывал национальные движения с удовлетворением от осуществления националистического принципа или с негодованием от его нарушения. Этот принцип заключался в том, что «этнические границы не должны пересекаться с политическими и <...> отделять власть имущих от остальных людей»³. Одним из государств, устройство которых воспринималось многими людьми XIX в. как нарушающее этот принцип, была монархия Габсбургов. При этом образ правящей династии в мышлении представителей различных центральноевропейских национальных движений, включая чешское, носил изменчивый и многогранный, а не устойчиво негативный и однозначный характер.

1860-е годы стали началом нового, более массового периода развития чешского национального движения. Одним из проявлений перемен было возникновение множества чешских добровольных

¹ Миллер 1994: 9; Gellner 1997: 41–43.

² Bugge 2017: 137.

³ Gellner 1983: 1.

объединений, включая общества «Сокол»⁴. Эти организации объединяли приверженность чешскому национализму и занятия широко понимаемой гимнастикой. Образцом для гимнастов-«соколов» послужило немецкое турнерское движение, также сочетавшее политическую и спортивную деятельность.

Осенью 1861 г. в столице Богемии началась подготовка к созданию «Пражского гимнастического общества»⁵. 16 февраля 1862 г. в его учредительном общем собрании участвовало 75 человек⁶. К концу 1871 г. общее число сокольских обществ в Богемии и Моравии превысило 120, а количество их членов составляло более 10 000 человек⁷. Накануне Первой мировой войны в Чешский сокольский союз входило уже более 1100 организаций (в том числе из Австрийской Силезии и Нижней Австрии), в которых состояло более 120 000 человек (включая женщин-«соколок»)⁸. Еще большей массовости сокольство достигло в последующий период. Оно стало одним из наиболее значимых факторов чешской истории второй половины XIX — первой половины XX в. Исследование этого фактора представляется важным звеном в изучении процессов появления и стабилизации современных чешской культуры и чешской (чехословацкой) государственности. Общий объем работ на данную тему позволяет говорить о существовании «сокологии» как научной интердисциплины⁹.

Члены «Пражского Сокола» и возникших по его образцу других чешских националистических гимнастических обществ составляли единое сокольское движение и разделяли общую сокольскую культуру. Основные элементы последней возникли или были задуманы именно в 1861–1871 гг.: она включала не только спортивные практики, но и, например, ношение особой формы, обращения «брат» и «ты», использование знамен и др. Возникшая в результате немецко-чешского трансфера сокольская культура затем в свою очередь стала объектом множества подобных заимствований: важным элементом идеологии сокольства была идея славянской взаимности, и поэтому вслед за чешскими националистами это движение вскоре

⁴ Kořalka 1996: 100.

⁵ Позднее — «Пражский Сокол».

⁶ Národní listy. 1862. 20 VII: 2.

⁷ Sokol. 1871. № 9: 74; Ibid. № 23: 185.

⁸ Sokol. 1915. № 9–10: 181.

⁹ См.: Havránková 1996; Jandásek 1936; Kopriva 2017; Nolte 2002; Sak 2012.

привлекло внимание их словенских, польских и других «соплеменников» (в том числе за пределами монархии Габсбургов).

Первое десятилетие истории сокольского движения приходится на период, связанный с достижением чешской культурой нового уровня развития, увеличением числа носителей чешской идентичности и началом замещения чешскими националистическими структурами ряда функций австрийских государственных органов, а также преобразования части последних в чешские структуры. Это своего рода чешское параллельное государство представляло скрытую альтернативу монархии Габсбургов. Оно включало, помимо гимнастических и других добровольных обществ, чешские фракции в земельных сеймах, отдельные муниципальные органы власти, финансируемые ими учебные заведения, а также периодические издания, сберегательные кассы и иные находившиеся в распоряжении чешских националистов коммерческие организации.

История всех этих националистических структур связана не только с распространением ценностей национализма, но и с другими модернизационными процессами, включая секуляризацию, утверждение принципа политического представительства и др. Один из вопросов, возникающих при изучении данных структур и процессов, касается того, как в мышлении чешских националистов сочетались, во-первых, лояльность нации, государству и правящей династии, а во-вторых, республиканские и монархические ценности. Чешский образ династии Габсбургов в «век национализма» затрагивается в обеих чешских научных биографиях императора Франца Иосифа I (1848–1916 г.), написанных историками Отто Урбаном (1938–1996) и Йиржи Пернесом¹⁰, во множестве обобщающих и «сквозных» работ по политической истории так называемых чешских земель XIX в.¹¹, а также в отдельных специальных исследованиях¹². Лояльному спектру чешской мысли габсбургского периода посвящены работы Йиржи Рака¹³. В 2016 г. ряд историков обратились к чешскому образу Габсбургов в связи со

¹⁰ Pernes 2005; Urban 1999.

¹¹ Во второй половине XIX в. уже не существовало особой административной связи между Богемией, Моравией и Австрийской Силезией, анахронично обозначаемых в историографии как «Чешские земли», поэтому в статье этот термин используется в сочетании с определением «так называемые».

¹² Agnew 2007a; Bugge 2017.

¹³ Rak 2013; Rak 2014.

100-летием со дня смерти Франца Иосифа¹⁴. Сокольскому аспекту данной проблемы пока еще не было посвящено отдельных работ. В отличие от публицистов, между исследователями, занимающимися в настоящее время данным вопросом, не ведется публичной дискуссии — объектом критики в их текстах выступают скорее отдельные положения научных теорий национализма (включая вышеупомянутые определения Э. Геллнера) и, в первую очередь, националистического нарратива, оказавшего значительное влияние на историографию XX в. Подобным ревизионистским путем движется развитие исследований образа правящей династии в мышлении жителей других периферийных областей монархии Габсбургов, дополняемое изучением усилий, которые прилагались государством для формирования данного образа¹⁵. Дальнейшая разработка этих связанных проблем представляется вкладом в сравнительное исследование трансформаций множественных лояльностей подданных различных империй «долгого XIX в.»¹⁶.

Функцию «несущей стены» чешской националистической культуры изучаемого периода выполняли газеты, включая пражское издание с недвусмысленным названием *Národní listy* («Национальная газета»), начавшее выходить в 1861 г. Последнее послужило основным из задействованных автором исторических источников. В 1867–1869 гг. данная газета также печаталась под названиями *Národní noviny* («Национальная газета») и *Naše listy* («Наша газета») (*de jure* в качестве новых изданий).

Образ мышления чешских националистов и австрийская идея

Сущностной характеристикой чешского сокольского движения была приверженность национализму. При этом в рассматриваемый период значительная часть населения Богемии, Моравии и австрийской Силезии еще не воспринимала чешскую, немецкую или какую-либо другую национальную идентичность как главную и даже свою. Относительно широко были распространены переключения с одной национальной идентичности на другую. Возникновение

¹⁴ Hanuš 2016; Hlavačka 2017; Pernes 2017; Pešek 2016.

¹⁵ Judson 2016: 233–237; Unowsky 2005. Также см. статью Юлии Евгеньевны Бут в данном выпуске.

¹⁶ Osterkamp, Schulze Wessel 2016: 563–570.

сокольства совпало с периодом острой борьбы за сознание людей, характерной для всего центральноевропейского региона¹⁷. Постепенное устранение текучести идентичности означало все более широкое распространение чешского и немецкого националистического мышления. Это мышление строилось на таких взаимосвязанных принципах, как историзм, органицизм, прогрессизм, эгалитаризм, владение общим набором символов и тотальность.

В случае национализма тотальность означает восприятие своей нации как наивысшей ценности, исходя из которой должны были совершаться все умозаключения и действия. Владимир Израилевич Фрейдзон (1922–2004) писал применительно к Центральной Европе XIX в. о «созревании новой системы ценностей, в центре которой находились национальные интересы»¹⁸. Свидетельством распространения этого принципа может служить речь, произнесенная в марте 1865 г. одним из основателей сокольского движения, Мирославом Тыршем (1832–1884), в которой он обозначил императив, повторявшийся затем во множестве его выступлений и текстов: «Пусть все наши искренние стремления будут посвящены не самим себе, но Родине и нации»¹⁹. Тотальность позволяет определить чешский национализм как политическую религию. Такие религии, писал философ Эрик Фёгелин (1901–1985), принимают за «реальнейшее сущее» не абсолютного Бога, а нечто частное²⁰. Культ чешской нации вел к инструменталистскому отношению ко всем остальным известным идентичностям, включая религиозные (в традиционном понимании), словесные, профессиональные, гендерные и территориальные.

Что касается последних, в качестве элемента чешского националистического мышления изучаемого периода может быть выделена система территориальных идентификационных установок, включавшая вторичные идентичности (земельные, локальные, славянская и франкофильская), антиидентичности (немецкая) и идентичности, выполнявшие обе эти функции (еврейская и австрийская). Двойственное положение австрийской идентичности было связано с одновременным существованием нескольких интерпретаций австрийской идеи. Историк Йиржи Коржалка (1931–2015) выделял ее

¹⁷ Фрейдзон 1999: 82.

¹⁸ Фрейдзон 1999: 40–41.

¹⁹ *Národní listy*. 1865. 28 III: 3.

²⁰ Voegelin 1938: 15–16.

надэтнический, многонациональный и германский варианты²¹. Первый из них, ставивший принадлежность к Австрии над принадлежностью к нации, разделялся рядом государственных служащих и предсказуемо воспринимался чешскими националистами негативно. Примером поддержки чехами второго варианта австрийскости, предполагавшего ее служебную роль относительно многочисленных национальных идентичностей, была концепция австрославизма, заключающаяся в сотрудничестве славянских наций, якобы составлявших в монархии Габсбургов большинство, с целью поставить политику государства на службу совместным интересам. Основная интерпретация данной концепции предусматривала переустройство Австрии в федеративное государство. Известно, что в 1868 г. проект «Союза сокольских обществ» предполагал именно «австрославянский» охват этого объединения²². Также в изучаемый период чешские «соколы» контактировали с рядом представителей различных националистических организаций словенцев²³, хорватов²⁴ и галицийских поляков²⁵. Главные конкуренты «соколов», гимнасты-турнеры, в основном предпочитали германский вариант австрийской идеи, который предполагал интеграцию или союз Австрии с другими немецкими государствами и приоритет немецкой нации. Сравнивая три этих варианта, можно отметить, что многонациональный отличался от остальных тем, что соответствовал федералистскому, а не унитаристскому представлению о государственном устройстве монархии Габсбургов, а надэтнический — тем, что придавал принадлежности к Австрии основное, а не вторичное значение.

Значимость образа немцев как «Других» стала причиной того, что в мышлении чешских националистов надэтнический вариант австрийской идентичности во многом слился с германским. Такое видение позволило связать образ представителей государственной власти с главной чешской антиидентичностью и усилило негативную реакцию «соколов» и их единомышленников на те действия чиновников, которые могли быть интерпретированы как проявления недоверия, неодобрения или несправедливости, например, отказы

²¹ Kořalka 1996: 21, 64.

²² Národní listy. 1868. 12 I: 3.

²³ Národní listy. 1868. 10 V: 3.

²⁴ Národní listy. 1862. 27 X: 1.

²⁵ Národní noviny. 1868. 23 IX: 2.

в утверждении изменений в текстах уставов сокольских обществ²⁶, открытое и тайное наблюдение за деятельностью «соколов»²⁷ и различные судебные процессы²⁸.

Обвинения в нелояльности воспринимались «соколами» и другими чешскими националистами как несправедливые. В качестве испытания верности династии Габсбургов современникам виделась Австро-прусская война 1866 г. Преддверие войны было связано с получившим широкое обсуждение предложением создать чешский добровольческий корпус на базе «Пражского Сокола»²⁹. Отказ принять данное предложение был воспринят чешскими националистами как одно из многих проявлений несправедливого отношения властей к чехам, якобы являвшихся, в отличие от немцев, неоцененными австрийскими патриотами³⁰. В свою очередь в австро-немецкой публицистике периода прусской оккупации Праги чешские гимнасты обвинялись в стремлении служить захватчикам³¹. В феврале 1869 г. испытание войной упоминалось в показаниях пльзеньского «сокола» Йозефа Релиха, выступавшего в качестве обвиняемого на судебном процессе, связанном с дракой в пивной между чешскими и немецкими гимнастами в июне 1868 г. Реагируя на приписываемые ему слова о необходимости «отделения Богемии от Австро-Венгерской империи», он заявил:

Когда вообще чехи стремились к чему-нибудь подобному? Во время прусской оккупации, когда побеждавший враг распространял по всей нашей Родине революционные прокламации, никто на них не откликнулся. Вся чешская нация придерживается программы нашего прославленного Палацкого — общеизвестным является его высказывание: «Если бы Австрии не существовало, мы должны были бы создать ее»³². Будучи верным сыном чешского народа, я никогда бы не отверг программу федеративного устройства Австрии!³³

²⁶ *Národní listy*. 1867. 23 II: 1.

²⁷ *Národní listy*. 1868. 13 I: 2.

²⁸ *Národní listy*. 1870. 25 I: 3.

²⁹ *Národní listy*. 1866. 11 V: 1.

³⁰ *Národní listy*. 1866. 25 V: 1.

³¹ *Neue Freie Presse*. 1866. 17 VII: 3.

³² Сокращенная цитата из письма историка и политика Франтишека Палацкого (1798–1876) «Комитету 50-ти» Франкфуртского предварительного парламента от 11 апреля 1848 г.

³³ *Naše listy*. 1869. 10 II: 2.

Хотя эти лояльные заявления можно интерпретировать как следствие влияния адвоката и того, что обвинение запрашивало для Й. Релиха 12-летний тюремный срок за измену родине, они также опирались на австрийский патриотизм как одну из идентификационных установок чешских националистов. Событием, способным ослабить влияние такого рода идей, стало Австро-венгерское соглашение 1867 г., воспринимавшееся чешскими националистами как неприемлемый немецко-венгерский сговор. Например, в столице Моравии Брно правление местного «Сокола» в ходе одного из судебных разбирательств отказалось от подачи апелляции в суд высшей инстанции в Вене. Причиной было то, что обращение в этот орган означало бы признание Моравии землей, не обладавшей особой связью с Богемией и Силезией, и являвшейся лишь одной из многих частей Цислейтании, то есть немецкой половины Австро-Венгрии³⁴.

Противоречивое сочетание чешских про- и антиавстрийской идентификационных установок отражалось в том числе в сфере символического. Образ монарха был, вероятно, единственной репрезентацией Австрии, которая регулярно задействовалась в акциях и текстах чешских националистов. При этом ряд элементов сокольской культуры имел антиавстрийскую направленность, например, почитание участников восстания чешских сословий в 1618–1620 гг.³⁵ Кроме того, «соколы» задействовали образ швейцарцев, противостоявших Габсбургам в Средние века. М. Тырш упоминал в одной из своих статей битвы при Моргартене (1315 г.) и Земпахе (1386 г.) как примеры силы духа, которым должны были следовать «соколы»³⁶. Также известно, что первый староста «Пражского Сокола», Йиндржих Фигнер (1822–1865), положительно оценивал оперу «Вильгельм Телль» (1829 г.) Джоаккино Россини (1792–1868) как антиавстрийский и демократический манифест³⁷. С увертюры к этой опере началось гимнастическое выступление общества в марте 1865 г.³⁸, а в июле 1869 г.

³⁴ Zpráva výroční tělocvičné jednoty «Sokol» v Brně, přednešená ve valné hromadě dne 26. ledna 1873. Brno, 1873. S. 4–5, см.: MZA. Fond G 106 (Krajský výbor Sokola Brno). Karton 224. № 1. 1873.

³⁵ Národní listy. 1871. 30 VI: 2.

³⁶ Sokol. 1871. № 11. S. 86.

³⁷ *Tyršová R.* Jindřich Fügner: paměti a vzpomínky na mého otce. D. I. Praha: Český čtenář, 1924. S. 73.

³⁸ Národní listy. 1865. 28 III: 3.

постановка этой оперы была приурочена к открытию надгробного памятника Фигнеру³⁹.

Об отношении первого старосты «Пражского Сокола» к монархии и надэтнической австрийскости свидетельствует в том числе его шуточная характеристика своего обучавшегося в Вене племянника, Зденека Хелферта, как «какого-то Габсбурга»⁴⁰. Также известно, что именно Й. Фигнер предложил включить в состав сокольской формы гарибальдийские красные рубашки⁴¹. Учитывая поражения Австрии в Италии, это также воспринималось как проявление нелояльности⁴². При этом характерным является то, что чешская националистическая пресса некоторое время отрицала факт подражания «соколов» образу гарибальдийцев⁴³. Открытой демонстрации антиавстрийских настроений препятствовало, помимо законодательных ограничений, распространение описываемых ниже разнообразных пластов монархических идей. Подобным образом в изучаемый период лидеры «соколов» еще избегали выражений прямой поддержки популярных в их среде антиклерикальных идей и начинавшего формироваться младочешского направления.

В мае 1871 г. немецкое издание *Mährischer Correspondent* («Моравский корреспондент») отметило отсутствие моравских и австрийских флагов у участников шествия в день освящения знамени общества «Сокол» в Брно⁴⁴. Несмотря на использование чешскими националистами антиавстрийских символов, они в свою очередь неоднократно осуждали редкое использование австрийскими турнерами государственного флага и частое — германских черно-красно-золотых цветов, что трактовалось как свидетельство «предательства империи»⁴⁵. Неприемлемость германского варианта австрийскости в целом была важным положением чешской идеологии. Так, в марте 1867 г. М. Тырш высказал надежду на то, что в будущем Австрия станет «австрийской», то есть будет исходить из своих, а не германских

³⁹ Národní listy. 1869. 20 VII: 3.

⁴⁰ *Tyršová R.* Jindřich Fügner: paměti a vzpomínky na mého otce. D. II. Praha: Český čtenář, 1926. S. 49–50.

⁴¹ Sokol. 1873. № 14. S. 111.

⁴² *Červinka V.* U kolébky Sokola. Praha: Šolc a Šimáček, 1920. S. 22.

⁴³ Národní listy. 1862. 11 VI: 2.

⁴⁴ *Mährischer Correspondent.* 1871: 31 V: 3.

⁴⁵ *Moravská orlice.* 1869. 10 XII: 2; *Ibid.* 1871. 29 VII: 2.

интересов⁴⁶. Предметом возмущения «соколов» было название объединения австрийских турнеров, являвшегося частью общегерманской организации «Немецкое турнерство» — «Пятнадцатый край»: мысль о том, что Австрия является лишь одной из областей Германии, была для чешских националистов оскорбительной⁴⁷. Негативным также был чешский националистический образ ряда членов централистских венских правительств второй половины изучаемого десятилетия, например, Карла Гискры (1820–1879): его имя обыграл в своей речи один из ораторов, выступавших на церемонии вручения знамени «Сокола» Брно в 1871 г., заявивший, что братской связи Богемии и Моравии не страшна никакая «искра»⁴⁸.

Три пласта монархических представлений жителей так называемых чешских земель

Сложное взаимодействие австрийской идентичности с чешской националистической идеологией влияло и было подвержено влиянию взаимодействия с этой идеологией образов императора Франца Иосифа и всей династии Габсбургов. Хотя в исследуемый период республиканские ценности все более широко принимались жителями так называемых чешских земель, важным элементом их мышления оставался монархизм, в котором можно выделить несколько переплетенных пластов: традиционный, конституционный и националистический.

Примером влияния традиционного пласта является бал, который «соколы» Пршибрама (Богемия) планировали провести в ноябре 1865 г. в честь именин императрицы Елизаветы (1837–1898), жены Франца Иосифа⁴⁹. В следующем году интерьеры помещения, в котором местные гимнасты организовали концерт, украшал портрет императора⁵⁰. В 1867 г. в честь его сына и наследника, Рудольфа, назовут улицу в Брно⁵¹, на которой в следующем году расположился временный гимнастический зал местного «Сокола»⁵². В 1873 г.

⁴⁶ *Národní listy*. 1867. 26 III: 2.

⁴⁷ *Sokol*. 1871. № 1. S. 10.

⁴⁸ *Národní listy*. 1871. 30 V: 1.

⁴⁹ *Národní listy*. 1865. 31 X: 2.

⁵⁰ *Národní listy*. 1867. 22 I: 3.

⁵¹ *Moravská orlice*. 1867. 17 V: 2.

⁵² *Moravská orlice*. 1868. 1 XI: 3.

это общество переехало на улицу, носившую имя Елизаветы⁵³. В свою очередь в Праге дворец «Жофин» и одноименный остров, где прошел ряд сокольских и других националистических мероприятий, получил название в честь матери Франца Иосифа, эрцгерцогини Софии Баварской (1805–1872)⁵⁴. Другим местом проведения сокольских акций был Стрелецкий остров, путь к которому шел по мосту императора Франца II(I) (1792–1835 гг.)⁵⁵. Именем его супруги Каролины Августы Баварской (1792–1873) было названо пражское предместье Карлин, где в 1867 г. было учреждено одно из сокольских обществ⁵⁶. Наконец, трактир «У эрцгерцога Стефана», где в 1863 г. располагалось временное бюро «Пražского Сокола»⁵⁷, носил имя бывшего богемского наместника Стефана Франца Виктора Габсбурга (1817–1867), являвшегося, как и отец императора, внуком Леопольда II (1790–1792 гг.). Предполагаю, что все эти топонимы, как и, например, идеологизированные школьные учебники, а также изображения монарха на деньгах, могли влиять на мышление жителей Австрии XIX в., в повседневной жизни которых постоянно присутствовал образ правителя, его предшественников и их родственников⁵⁸. Подобным образом в одном из изданных в Брно календарей между уставом местного «Сокола» и списком почтовых отделений было размещено перечисление членов австрийского императорского дома⁵⁹.

Традиционный пласт был связан с ценностями патернализма и имперскости, а также с католичеством, к которому причисляло себя большинство жителей монархии. Образ Франца Иосифа I строился в том числе на представлениях о том, что власть была дана ему «Божьей милостью»⁶⁰. Неслучайно австрийский гимн представлял из себя молитву за императора (и страну)⁶¹, а вышеупомянутые практики традиционного монархизма были распространены среди членов «Сокола»

⁵³ Moravská orlice. 1873. 15 I: 1–2.

⁵⁴ Národní listy. 1862. 6 X: 1.

⁵⁵ Národní listy. 1862. 29 III: 3.

⁵⁶ Národní listy. 1867. 22 I: 2.

⁵⁷ Národní listy. 1863. 3 XI: 3.

⁵⁸ Hlavačka 2017: 26.

⁵⁹ Nejnovější Moravsko-slezský Domácí Přítel. Užitečný Občanský Kalendář na rok obyčejný 1870. Brno: Karel Winiker, 1869. S. 89.

⁶⁰ Allgemeines Reichs-Gesetz- und Regierungsblatt für das Kaiserthum Österreich. Jahrgang 1852. Wien: Kaiserlich-Königliche Hof- und Staatsdruckerei, 1852. S. 1109.

⁶¹ Rak 2013: 106–107.

Пришбрама, руководство которого также отличалось стремлением регулярно взаимодействовать с католической церковью⁶².

Как отмечается в историографии, возникающая в раннее Новое время идеология австрийского подданства обладала чертами религиозного культа⁶³. Согласно Э. Фёгелину, такого рода обожествление правителей западноевропейских государств, рассматриваемое им на примере «Левиафана» Томаса Гоббса (1588–1679), было одним из ранних примеров политических религий, которые дополняли «вечного» Бога государством как «Богом смертным»⁶⁴. Углубление разносторонних секуляризационных процессов в XIX в., включая распространение антиклерикальных идей, а также связанное с этими процессами преобразование чешского национализма в политическую религию (не делавшую акцент на особой связи с Богом), десакрализовали императора.

Помимо традиционного авторитета, монарх воспринимался сквозь призму добровольного ограничения им своей власти и предоставления австрийцам права на представительство. Проявлениями конституционного пласта были проходившие в первой половине 1860-х годов празднования годовщин Октябрьского диплома (изданного императором 20 октября 1860 г.) и Февральского патента (26 февраля 1861 г.). При этом первый из этих документов считался, с оговорками, федералистским, а второй — наоборот, унитаристским. Соответственно, в проходивших в так называемых чешских землях празднованиях годовщин первого из них в большом количестве участвовали чешские националисты, а в годовщинах второго — немецкие, включая турне-ров⁶⁵. 19 октября 1865 г. во время особо масштабного празднования в Праге заложили основание моста имени Франца Иосифа и городского газового завода. Местные чешские гимнасты приняли участие в шествии, организованном в поддержку этих двух инициатив, и отвечали за обеспечение порядка⁶⁶. Вечером пражские «соколы» и члены певческого общества «Глагол» организовали плавание с факелами по Влтаве на месте будущего строительства моста, сопровождавшееся исполнением националистических песен⁶⁷. 20 октября столичные

⁶² *Národní listy*. 1864. 23 VI: 3.

⁶³ *Hlavačka* 2017: 26; *Rak* 2013: 107, 141.

⁶⁴ *Voegelin* 1938: 44–45.

⁶⁵ *Bohemia*. 1863. 3 III: 553.

⁶⁶ *Národní listy*. 1865. 20 X: 2.

⁶⁷ *Ibid.*

гимнасты также участвовали в торжествах в соседнем Смихове⁶⁸, а в различных местных юбилейных мероприятиях — члены 11 других богемских сокольских обществ и их «братья» из моравского Валашске-Мезиржичи⁶⁹ и представители люблянского «Южного Сокола»⁷⁰.

В конце изучаемого десятилетия немецкие националисты, включая турнеров, стали ежегодно праздновать другую дату — 21 декабря, когда была издана «Декабрьская конституция» (1867 г.)⁷¹, тогда как чешские октябрьские празднования прекратились. В целом, однако, конституционный пласт монархизма являлся для многих жителей Богемии и Моравии вторичным относительно националистического, так как политическое представительство воспринималось ими как осуществляемое нациями, а не отдельными гражданами. Так, «соколы» поддерживали кандидатов и избранных политиков, выступавших от имени так называемой Национальной партии. Последние, в свою очередь, оказывали помощь чешским гимнастам, являясь одной из структур вышеупомянутого чешского параллельного государства. Соответственно, националистический образ отдельных представителей органов муниципальной власти мог заметно отличаться от образа земельных и имперских властей. Если сохранение в мышлении чешских и немецких националистов традиционного пласта восприятия монарха свидетельствовало об ограниченности влияния принципа тотальности, то слияние конституционного и националистического пластов — наоборот, о силе этого влияния.

Применительно к чешскому слою последнего пласта значение имело то, что, хотя император Франц Иосиф носил титул короля Богемии, церемония коронации не была проведена. Чешские националисты воспринимали этот факт негативно, поскольку с этим ритуалом была связана идея чешского исторического государственного права. Согласно этой концепции, многовековая чешская государственность являлась национальной, суверенной и непрерывной⁷². На протяжении всего изучаемого периода они надеялись на скорое исправление этого «недостатка»⁷³, разъединявшего Франца Иосифа с чешской нацией

⁶⁸ Národní listy. 1865. 22 X: 3.

⁶⁹ Moravská orlice. 1865. 28 X: 3.

⁷⁰ Národní listy. 1865. 1 XI: 2.

⁷¹ Deutsche Volks-Zeitung (Prag). 1869. 31 XII: 662.

⁷² Velek 2008: 301–304.

⁷³ Hlavačka 2017: 26–27, 34; Rak 2013: 133.

и лишавшего его в глазах тотально мысливших приверженцев новой политической религии легитимности.

В чешских националистических текстах Франц Иосиф чаще определялся именно как король, а не император⁷⁴. Так, в 1870 г. «соколы» Брно заявили о готовности оспаривать запрет на проведение церемонии освящения их знамени во всех инстанциях «вплоть до трона Е. В. чешского короля»⁷⁵. Для чешского движения в Моравии вопрос о коронации имел особое значение, так как эта церемония могла бы компенсировать ослабление административной связи между чешскими землями. В 1871 г. во время все же состоявшегося праздника освящения знамени «Сокола» Брно староста общества, Флориан Зедник, заявил, что единство трех «частей Короны святого Вацлава чтится всеми нами как священные узы, соединяющие нашу нацию с нашим просвещенным правящим родом»⁷⁶. Желая стереть следы этого бывшего единства, немецкие националисты пытались избавиться от слова «королевский» в названиях моравских городов Зноймо и Кийов⁷⁷. При этом они не были настроены против династии: наоборот, в отчетах об общих собраниях и праздниках турнеров значительно чаще, чем в соответствующих материалах о «соколах», встречаются сообщения о тостах и иных выражениях одобрения монарху⁷⁸. Дискуссионным является вопрос о том, в какой мере в различные периоды приверженность чешскому или немецкому национализму означала столкновение лояльности жителей так называемых чешских земель австрийским Габсбургам с симпатиями к соответственно российским Романовым или прусским Гогенцоллернам.

«Соколы» и инструменталистское отношение чешских националистов к династии Габсбургов

Если многогранность чешского националистического образа Габсбургов была связана с влиянием традиционного и конституционного пластов монархических идей, то его изменчивость — с непостоянством

⁷⁴ Rak 2014: 120.

⁷⁵ Moravská orlice. 1870. 8 IV: 2.

⁷⁶ Národní listy. 1871. 30 V: 1.

⁷⁷ Moravská orlice. 1869. 25 XII: 3.

⁷⁸ Bohemia. 1862. 1 III: 499.

представлений о соответствии монарха чешским национальным интересам. Событиями, послужившими поводом для выражения этих изменчивых представлений, стали визиты в Богемию и Моравию Франца Иосифа в 1866 и 1868 г. и его сына Рудольфа (1858–1889) в 1871 г.

Первому с 1858 г. посещению Праги монархом предшествовала Австро-прусская война. Рост патриотических настроений накануне прусского вторжения 1866 г. проявлялся в манифестации лояльности монарху. 7 мая на открытии бюста Й. Фигнера в «соколовне», то есть гимнастическом зале «Пражского Сокола», один из лидеров общества Эдуард Грегр (1827–1907) заявил о готовности «соколов» погибнуть «как только наша Родина и наш король позовут»⁷⁹. 9 мая на заседании правления «Пражского Сокола» обсуждалось обращение М. Тырша по поводу создания добровольческого корпуса, содержащее в том числе следующие восклицания: «Слава нашей Родине! Слава королю! Слава нации!»⁸⁰. Эти отрывки отражают тесное переплетение приверженности монарху и нации. Данная тенденция также проявилась в прошедшем 17 августа 1866 г. в оккупированной прусскими войсками Праге праздничном театральном представлении накануне дня рождения императора: на сцене бюст монарха возвышался над фигурой льва, которого охраняли четыре чешских гимнаста⁸¹.

Поездка Франца Иосифа по чешским землям состоялась уже после завершения проигранной войны. 24 октября 1866 г. столичные «соколы» участвовали во встрече приехавшего из Опавы императора, а 25 октября — в факельном шествии в честь монарха⁸². В гимнастическом обществе обсуждалось приглашение императора в «соколовню» и даже проведение специального публичного выступления⁸³. Согласно газете *Národní listy*, 25 октября Франц Иосиф кратко побеседовал со старостой «Пражского Сокола» Петром Матейем Фишером (1809–1892), «которого он спрашивал о количестве членов и их прилежности

⁷⁹ *Národní listy*. 1866. 8 V: 3.

⁸⁰ Nolte 2002: 76.

⁸¹ *Národní listy*. 1866. 18 VIII: 3; Rak 2013: 144. Лев был изображен на гербе Богемии.

⁸² Havráňková 1996: 36; Jandásek 1936: 42; *Národní listy*. 1866. 25 X: 2; Ibid. 26 X: 1; Rak 2013: 148–149; Sak 2012: 75.

⁸³ Havráňková 1996: 36; Jandásek 1936: 42; *Tyrš M. Statistický přehled jednot Sokolských pro rok 1866*. Praha: B. Stýblo, 1867. S. 9.

в гимнастических занятиях и заверил в том, что «Сокол», построившийся на помосте за святым Георгием⁸⁴, смотрелся чудесно»⁸⁵. Среди встречавших императора в столице Богемии были и турнеры⁸⁶. При этом они не приняли участия в факельном шествии, так как, в отличие от «соколов», чешский муниципалитет не пригласил их⁸⁷. Известные источники не позволяют дать ответ на вопрос о том, было ли это решение политическим. Также во время этой поездки Франца Йосифа встречали турнеры⁸⁸ и «соколы»⁸⁹ ряда других городов.

В августе 1867 г. столичные и провинциальные «соколы» приняли участие в праздновании возвращения в Прагу коронационных регалий Королевства Богемия, эвакуированных в Вену накануне прусского вторжения⁹⁰. Согласно данным историографии, именно чешские националистические структуры определили масштаб и посыл данного мероприятия⁹¹. Пражские турнеры отсутствовали на этом торжестве, что, вероятно, было политическим жестом⁹². Праздничные мероприятия были организованы «соколами» также за пределами Праги⁹³. Изображения короны святого Вацлава как символа чешскости регулярно задействовались чешскими националистами. Так, копия короны венчала навес над камнем, который был положен в основание Национального театра в ходе торжественной церемонии 16 мая 1868 г.⁹⁴ Один из самых массовых, дорогостоящих и обсуждаемых праздников чешских националистов стал также самой многочисленной акцией «соколов» в изучаемый период — в нем приняли участие около 1500 «соколов»⁹⁵. Особое отношение чешских националистов к регалиям Королевства Богемия и негативная реакция на высмеивание этих символов чешскости⁹⁶ контрастировали

⁸⁴ Статуя XIV в., располагавшаяся рядом с собором св. Вита.

⁸⁵ Havránková 1996: 36; Jandásek 1936: 42–43; *Národní listy*. 1866. 27 X: 1.

⁸⁶ *Národní listy*. 1866. 25 X: 2.

⁸⁷ *Bohemia*. 1866. 26 X: 998.

⁸⁸ *Bohemia*. 1866. 22 X: 961.

⁸⁹ *Národní listy*. 1866. 1 XI: 2; Pernes 2005: 165.

⁹⁰ Havránková 1996: 35; Jandásek 1936: 42; *Národní listy*. 1867. 30 VIII: 2; Nolte 2002: 78; Sak 2012: 75.

⁹¹ Agnew 2007b: 332–333.

⁹² *Národní listy*. 1867. 30 VIII: 2.

⁹³ *Tyrš M., Čermák F. Sborník sokolský pro rok 1868*. Praha: Pražský Sokol, 1869. S. 62.

⁹⁴ Agnew 2007a: 93, 95; *Národní listy*. 1868. 17 V: 3.

⁹⁵ *Národní listy*. 1868. 17 V: 3.

⁹⁶ *Moravská orlice*. 1871. 6 I: 3.

с изготовлением в феврале 1871 г. шуточной копии державы германского императора для «шибржинок», то есть маскарада «Пражского Сокола»: яблоко представляло из себя стеклянный шар с пивом, к которому вместо креста был прикреплен прусский полицейский. Этот предмет предназначался для несостоявшейся многофигурной пародии на прошедшую месяцем ранее в Версале церемонию провозглашения Вильгельма I германским императором⁹⁷.

Летом 1868 г. Франц Иосиф I вновь посетил чешские земли, однако в этот раз «Пражский Сокол» демонстративно проигнорировал организованное муниципалитетом открытие моста имени императора (21 июня). Эта перемена настроений части чешских националистов, еще за два года до этого проявлявших подчеркнутую лояльность, была связана с заключением в 1867 г. Австро-венгерского соглашения и коронацией Франца Иосифа I в Буде, совокупно воспринимавшихся как попрание чешского государственного права.

В день приезда монарха «Пражский сокол», а также его «братья» из городского района Мала-Страна и соседнего Карлина посетили освящение знамени общества «Сокол» в Колине (Богемия)⁹⁸. Свою роль в этот момент сыграло то, что за два дня до этого чешские гимнасты приняли решение отказаться от проведения сокольского съезда, не согласившись с требованием полиции ограничить программу мероприятия публичным выступлением⁹⁹. Полное сарказма выступление Э. Грегра на общем собрании общества 19 июня 1868 г. свидетельствует о том, что эта поездка была своеобразной формой протеста¹⁰⁰. Среди лозунгов на фасадах колинских домов был и «Троны падают, нации — бессмертны»¹⁰¹. В литературе отмечается негативное впечатление современников от совпадения дня празднования открытия моста и годовщины казни участников восстания чешских сословий на Староместской площади (21 июня 1621 г.)¹⁰², что также могло повлиять на позицию «соколов».

⁹⁷ Národní listy. 1871. 20 II: 1–2.

⁹⁸ Agnew 2007a: 95; Havránková 1996: 36; Jandásek 1936: 43; Národní listy. 1868. 22 VI: 2; Sak 2012: 90; *Tyrš M., Čermák F. Sborník sokolský...* S. 54.

⁹⁹ Jandásek 1936: 43.

¹⁰⁰ Národní listy. 1868. 20 VI: 3.

¹⁰¹ Národní listy. 1868. 22 VI: 2.

¹⁰² Agnew 2007a: 93; Pernes 2005: 176; Rak 2013: 158; Sak 2012: 90; Urban 1999: 117. См. Národní listy. 1868. 20 VI: 2.

Символическое значение имело то, что неделей ранее, 13 июля 1868 г., в столице Богемии состоялось факельное шествие в честь 70-летия «отца нации» Ф. Палацкого, организованное при участии «Пражского Сокола»¹⁰³. Масштаб этой демонстрации ставил лидера чешских националистов и монарха на одну плоскость. Подобным образом, согласно воспоминаниям лингвиста Йозефа Зубатого (1855–1931), посещавшего смиховский «Сокол» в первой половине 1870-х годов, молодых членов общества специально готовили к случайной встрече с Палацким: в этой ситуации они должны были приветствовать его тем же способом, какой использовали австрийские военные для выражения почтения императору¹⁰⁴. В 1878 г. Палацкий стал первым человеком не из правящей династии, в честь которого назвали один из пражских мостов¹⁰⁵. Согласно О. Урбану, это воспринималось как проявление нелояльности, так как изначально предполагалось, что это сооружение будет носить имя наследного принца Рудольфа¹⁰⁶. В 1898 г. торжества по поводу 100-летия со дня рождения Палацкого могли противопоставляться празднованию 50-летнего юбилея вступления императора на престол¹⁰⁷. Ряд исследователей отметили связь между чешскими образами Франца Иосифа I, Томаша Гаррига Масарика и других глав Чехословакии и Чехии в XX–XXI вв.¹⁰⁸ При этом подобного рода перенос монархических форм почитания на некоронованных политических лидеров, выступавших в качестве представителей всей чешской нации, начался уже с культа Палацкого.

В июне 1868 г. пражская немецкая газета *Bohemia* («Богемия») назвала неучастие пражских «соколов» в открытии моста имени Франца Иосифа I демонстрацией, а поездку в Колин — отговоркой¹⁰⁹. В венской прессе это событие трактовалось как пример нелояльности прорусских «соколов»¹¹⁰. Можно предположить, что в качестве примера могла выступить подобная акция, организованная месяцем

¹⁰³ Havránková 1996: 36; Národní listy. 1868. 14 VI: 3; Pernes 2005: 175; Urban 1999: 117.

¹⁰⁴ Památník Palackého / ed. F. Konvička. Valašské Meziříčí: Sokolská župa Palackého, 1926. S. 72.

¹⁰⁵ Národní listy. 1878. 22 XI: 2.

¹⁰⁶ Urban 1999: 142.

¹⁰⁷ Unowsky 2005: 176.

¹⁰⁸ Hlavačka 2017: 35–36; Rak 2013: 415–418.

¹⁰⁹ Bohemia. 1868. 24 VI: 1943.

¹¹⁰ Die Debatte. 1868. 21 VI: 2.

ранее немецкими националистами, уехавшими в день закладки камня в основание чешского Национального театра (16 мая) из Праги в Литомержице, расположенное в преимущественно немецкой части Богемии¹¹¹. В июне пражские турнеры, наоборот, приняли участие в открытии моста¹¹². Согласно данным газет, изначальный план мероприятия 21 июня и отмененной впоследствии встречи императора 20 июня предполагал участие как чешских, так и немецких гимнастов¹¹³. 23 июня Франц Иосиф I посетил Литомержице, где его также приветствовали местные турнеры¹¹⁴. Что касается провинциальных «соколов», программа поездки императора была слишком короткой, чтобы они могли поддержать или отвергнуть протест пражских обществ. Демонстративное игнорирование визита монарха в 1868 г. и присвоение празднования возвращения коронационных регалий в 1867 г. представляли две формы инструментализации монархических мероприятий чешскими националистами¹¹⁵, которые также задействовались представителями других австрийских национальных и иных политических движений¹¹⁶.

В августе 1868 г. часть депутатов Богемского сейма подписала меморандум, известный под названием «Государственно-правовая декларация». На основе программы исторического государственного права в нем обосновывалась тактика пассивной оппозиции, то есть бойкота чешскими политиками заседаний сейма и Рейхсрата, созданных Францем Иосифом I¹¹⁷. Согласие с этим решением выразили в телеграммах представители семи сокольских обществ¹¹⁸. В свою очередь члены «Сокола» Брно поддерживали чешских депутатов моравского сейма, также подписавших подобный меморандум¹¹⁹.

Протестные акции 1868 г. не означали конца веры в монархию. Так, после избрания депутатом Богемского сейма в сентябре 1869 г. М. Тырш заявил: «Мы не хотим ни гибели нашего светлейшего государя, ни нашей дорогой Родины, мы хотим, чтобы Корона святого

¹¹¹ *Národní listy*. 1868. 21 V: 6.

¹¹² *Bohemia*. 1868. 22 VI: 1927.

¹¹³ *Bohemia*. 1868. 18 VI: 1883; *Ibid.* 20 VI: 1904.

¹¹⁴ *Bohemia*. 1868. 25 VI: 1959.

¹¹⁵ Agnew 2007b: 332–334.

¹¹⁶ Unowsky 2005: 177, 180–181, 183–184.

¹¹⁷ *Národní noviny*. 1868. 23 VIII: 1.

¹¹⁸ *Národní noviny*. 1868. 24 VIII: 1.

¹¹⁹ *Moravská orlice*. 1869. 6 I: 2.

Вацлава засияла новым блеском на его челе»¹²⁰. В этом типичном для чешских националистов выступлении требование перемен выразилось посредством апелляции к прошлому, а нелояльность правительству — посредством лояльности назначившему его монарху¹²¹. Характерными в этом отношении являются и судебные показания вышеупомянутого пльзеньского «сокола» Й. Релиха, данные им в том же году. Ему приписывались различные антиавстрийские высказывания, включая фразы о том, что Богемии необходимы собственный король и независимость¹²². Релих утверждал, что «имел в виду такую самостоятельность, которой обладает в настоящий момент Венгерское королевство»¹²³.

В 1871 г. действия правительства Карла Зигмунда фон Гогенварта (1824–1899) воспринимались как шаги именно в этом направлении. В июне-июле Моравию и Богемию посетил наследный принц Рудольф. «Соколы» Брно планировали присоединиться к праздничному выступлению чешских певческих обществ, однако им не было позволено это сделать¹²⁴. Газета *Národní listy* призывала не придавать политического значения этой поездке 13-летнего юноши и прозорливо отмечала, что не имеет смысла заранее праздновать казавшееся близким достижение компромисса между Прагой и Веной¹²⁵. С этой позицией было, вероятно, связано решение «Пражского Сокола», «Глагола» и ряда других националистических организаций не участвовать в торжественных мероприятиях, организованных муниципальными властями¹²⁶. В них, однако, приняли участие пражские турнеры¹²⁷.

Сигналы пражских лидеров о необходимости сдерживать энтузиазм не были достаточно отчетливыми для считывания на провинциальном уровне чешской националистической организационной сети. Помимо традиционного монархизма, свою роль играло и отсутствие пятен на репутации юного кронпринца. Значимыми

¹²⁰ *Národní listy*. 1869. 1 X: 2. Своим мандатом, в соответствии с «Декларацией», М. Тырш не воспользовался.

¹²¹ *Ср. Rak* 2013: 132, 152.

¹²² *Naše listy*. 1869. 9 II: 2.

¹²³ *Naše listy*. 1869. 10 II: 2.

¹²⁴ *Moravská orlice*. 1871. 2 VII: 2.

¹²⁵ *Národní listy*. 1871. 12 VII: 1.

¹²⁶ *Opavský Týdenník*. 1871. № 29: 231.

¹²⁷ *Národní listy*. 1871. 12 VII: 2.

обстоятельствами также могли быть отмечавшиеся в историографии в связи с визитами монарха любопытство и тяга к зрелищам¹²⁸. В итоге в журналистских отчетах о поездках Рудольфа по различным городам Богемии встречается множество сообщений о его встречах с «соколами»: от *de jure* не входившего в состав Праги Смихова¹²⁹ до Ческе-Будейовице¹³⁰.

Визит Рудольфа был связан со встречей с его двоюродным дедом, императором Фердинандом I (1835–1848 гг.), отказавшимся в 1848 г. от престола¹³¹. Отношение чешских националистов к предшественникам Франца Иосифа во многом зависело от того, были ли они коронованы. Так, в июне 1869 г. священник Йозеф Каспер (1817–1886) начал речь, открывшую церемонию освящения знамени «Сокола» города Рокицаны (Богемия), с прославления Фердинанда Доброго, на которого корона святого Вацлава была возложена в 1836 г. Бывший правитель, также, как и его племянник, обычно назывался националистами королем, а не императором. Каспер отмечал факт проживания Фердинанда I в Богемии и идеализировано описывал его действия в 1848 г. как добровольное предоставление нациям всех прав, включая права на представительство¹³². Ранее, в октябре 1867 г., на вокзале Млада-Болеслава (Богемия) местные «соколы» приняли участие в торжественной встрече поезда, на котором Фердинанд I ехал из своей летней резиденции Рейхштадт в Прагу¹³³.

Иным было отношение к двоюродному деду Фердинанда I, императору Иосифу II (1765/1780–1790 гг.). Некоронованный чешский король ассоциировался с «противоестественной» германизацией¹³⁴. В августе 1869 г. в моравской деревне Славиковице прошел праздник, организованный в честь столетия со дня легендарного посещения этой местности Иосифом II, который вспахал часть поля. Чешское сатирическое издание *Humoristické listy* («Юмористическая газета») опубликовало в связи с этим песню, в которой утверждалось,

¹²⁸ Rak 2013: 160–161, 187; Urban 1999: 277.

¹²⁹ Opavský Týdenník. 1871. № 29: 231.

¹³⁰ Bohemia. 1871. 23 VII: 2644.

¹³¹ Národní listy. 1871. 12 VII: 1.

¹³² Národní listy. 1869. 8 VI: 2.

¹³³ Boleslavan. 1867. 11 X: 165. Об отношении чешских националистов к Фердинанду после его отречения см. Rak 2013: 187–203.

¹³⁴ Rak 2013: 18, 169.

что немецкие политики якобы приглашали и «храбрых соколов», однако в итоге там присутствовали лишь те, кто «вопит "*Gut Heil!*"»¹³⁵, то есть турнеры¹³⁶.

В конце концов Франц Иосиф I последовал именно примеру Иосифа II, а не Фердинанда I, и коронация, как и подписание «Фундаментальных статей», то есть проекта австро-богемского соглашения, не состоялась. Проявления разочарования и гнева чешских националистов сдерживались не только силой влияния традиционного пласта монархических идей, но также опасностью судебного преследования, ведь Декабрьская конституция 1867 г. гласила, что «особа императора священна, неприкосновенна и безответственна»¹³⁷. Своеобразной скрытой формой протеста была массовая покупка и демонстрация отдельного издания послания Франца Иосифа Богемскому сейму от 12 сентября 1871 г., в котором он обещал короноваться¹³⁸. Издатель Ян Станислав Скрейшовский разместил немаркированную рекламу этой репродукции в журнале *Vlast'* («Родина»), где она рекомендовалась в том числе и «соколам»¹³⁹. Этот призыв, вероятно, достиг своей цели: послание императора хранится в архиве «Пражского Сокола»¹⁴⁰. В этом же издательстве несдержанное сентябрьское обещание монарха и его послание от 30 октября, воспринимавшееся как отречение от первого, вышли в виде туалетной бумаги¹⁴¹, а в *Národní listy* была размещена набранная нестандартно крупным шрифтом реклама исторического романа «Король — подлец!» Йозефа Йиржи Станковского (1844–1879)¹⁴².

Заключение

Подводя итоги, следует отметить, что изучение истории сокольского движения в 1860-е — начале 1870-х годов подтверждает тезис об изменчивом и многогранном характере образа династии Габсбургов в мышлении чешских националистов. Многогранность этого образа

¹³⁵ *Gut Heil* — турнерское приветствие.

¹³⁶ *Humoristické listy*. 1869. № 36: 144.

¹³⁷ *Národní listy*. 1867. 25 XII: 1.

¹³⁸ *Hermann I. Před padesáti lety. Drobné vzpomínky z minulosti. Díl 1. Praha: Nakladatel F. Topič*, 1924. S. 18–19; Velek 2008: 308–309.

¹³⁹ *Vlast'*. 1871. № 16: 128.

¹⁴⁰ ATVS NM. Fond Sokol. Karton 21. № 289.

¹⁴¹ *Hermann I. Před padesáti lety...* S. 19–20; Velek 2008: 315, 317–327.

¹⁴² *Národní listy*. 1871. 27 X: 4.

была связана с одновременным распространением нескольких переплетенных пластов монархических идей: традиционного, националистического и конституционного. Изменчивость этого образа может быть объяснена непостоянством представлений о соответствии монарха и всего австрийского государства чешским национальным интересам. Приоритет этих интересов отражал религиозный характер националистической идеологии и тотальность мышления приверженцев данной идеологии, получавшей в изучаемый период все более широкое распространение. В сочетании с одновременным существованием нескольких интерпретаций австрийской идеи приоритет чешских интересов означал балансирование австрийскости в мышлении чешских националистов между положением вторичной идентичности и антиидентичности. Первая из них была связана с федералистским представлением о государственном устройстве монархии (а именно — с концепцией австрославизма), а вторая — с унитаристским.

Другими отражениями тотальности как принципа мышления чешских националистов были поглощение конституционного пласта монархических воззрений националистическим, инструментализация монархических мероприятий в форме их присвоения или демонстративного игнорирования, перенос монархических форм почитания на Ф. Палацкого как лидера чешских националистов, их дифференцированное отношение к предшественникам Франца-Иосифа I и чередование проявлений лояльности и нелояльности монарху. Первые из них были связаны в том числе с перспективой его коронации в Праге, значимой в свете концепции чешского исторического государственного права, а вторые — с откладыванием этой церемонии и с неудовлетворительным с националистической точки зрения правовым положением так называемых чешских земель. Проявления нелояльности сдерживались законодательными ограничениями и силой влияния традиционного пласта монархических идей.

Что касается последующего периода, акция пражских «соколов» в июне 1868 г. стала исключительным случаем, а не началом новой традиции. Так, когда в 1874 г. император вновь посетил Богемию, среди приветствовавших монарха в Праге и других городах были в том числе чешские гимнасты¹⁴³. Подобным образом они неоднократно прини-

¹⁴³ Jandásek 1936: 91; Národní listy. 1874. 8 IX: 2; Pernes 2005: 203; Rak 2013: 186; Sak 2012: 90.

мали участие и в других торжественных встречах императора, а также иных монархических мероприятиях¹⁴⁴. Свой последний официальный визит в столицу Богемии Франц Иосиф I совершил в 1907 г.: лидеры «соколов» воспринимали его как повод для демонстрации силы движения и призывали своих соратников явиться на торжественную встречу монарха в возможно полном составе¹⁴⁵. В целом в историографии отмечено определенное усиление культа Франца Иосифа I в последние десятилетия его правления вплоть до начала Первой мировой войны¹⁴⁶.

Для межвоенной Чехословакии было характерно широкое распространение антимонархических, а значит, антигабсбургских представлений¹⁴⁷, что можно связать с потерей актуальности концепции чешского исторического государственного права и республиканским устройством государства. Сокольство, ставшее одной из опор новой государственности, ретроспективно рассматривалось как сущностно антиавстрийское и революционное¹⁴⁸. В этот период вышеупомянутая акция «соколов» 1868 г. «обросла» новыми малодостоверными подробностями о якобы имевшем место гневе императора по поводу отсутствия «красных рубашек» в рядах встречавших его жителей Праги¹⁴⁹. Сомнения также вызывает появившаяся в одном из вторичных источников межвоенного периода информация о том, что осенью 1871 г. после провала «Фундаментальных статей» М. Тырш участвовал в обсуждении перспектив чешского вооруженного восстания, ведущая роль в котором отводилась бы «соколам»¹⁵⁰. Восприятие сокольских обществ как антигабсбургских организаций получило распространение и за пределами Чехословакии, свидетельством чему может служить роман «Марш Радецкого» (1932 г.) Йозефа Рота (1894–1939)¹⁵¹.

¹⁴⁴ Hlaváč B. František Josef I.: život, povaha, doba. Praha: Fr. Borový, 1933. S. 549; Jandásek 1936: 107.

¹⁴⁵ Národní listy. 1907. 12 IV: 4.

¹⁴⁶ Urban 1999: 282.

¹⁴⁷ Крючков, Крючкова 2019: 91; Agnew 2007a: 86; Rak 2013: 414–415; Slačálek 2019: 918.

¹⁴⁸ Červinka V. U kolébky Sokola... 96–97; Kunz J. Sokol a Rakousko. Praha: Československá obec sokolská, 1930.

¹⁴⁹ Hermann I. Před padesáti lety... S. 37–38; Hlaváč B. František Josef I... S. 446; Národní listy. 1921. 16 X: 9.

¹⁵⁰ Havlíček V. Tyršovy snahy vojenské. Tyrš či Hanuš? Vliv Darwinovy nauky na Tyrše. Praha: Československá obec sokolská, 1923. S. 22–23.

¹⁵¹ Koptřiva 2017: 263–264; Urban 1999: 236.

Вероятно, межвоенный чехословацкий антимонархизм и подобные установки социалистического периода сыграли важную роль в формировании современного чешского образа монархии Габсбургов, определяемого историком Й. Раком как деформированный: этот образ, по мнению ученого, не предполагает участие «соколов» в приветствии императора, посещавшего Богемию¹⁵². При этом заметным явлением чешской мысли конца XX — первых десятилетий XXI в. стала габсбургская ностальгия¹⁵³, способная повлиять на историческую память о взаимоотношениях власти и людей, живших в XIX в. на территории современной Чешской республики. С другой стороны, в литературе отмечается ограниченный характер распространения этой ностальгии, а также ее культурный, а не политический характер¹⁵⁴.

Список сокращенных слов

Е. В. — Его Величество

ATVS NM — Archiv dějin tělesné výchovy a sportu Národního muzea, Praha

MZA — Moravský zemský archiv, Brno

Список исторических географических названий

Буда — ныне Будапешт в Венгрии

Карлин — ныне в черте Праги в Чехии

Рейхштадт — ныне Закупы в Чехии

Славиковице — ныне Роусинов в Чехии

Смихов — ныне в черте Праги в Чехии

Литература

Крючков, Крючкова 2019 — *Крючков И. В., Крючкова Н. Д.* Историческая память и габсбургский миф: посттравматический синдром человека XX в. и товар общества массового потребления // Диалог со временем. 2019. № 66. С. 86–99.

Миллер 1994 — *Миллер А. И.* Теория национализма Эрнеста Геллнера и ее место в литературе вопроса // Национализм и формирование наций.

¹⁵² Rak 2014: 122.

¹⁵³ Крючков, Крючкова 2019: 93; Agnew 2007a: 87; Rak 2013: 9–10.

¹⁵⁴ Slačálek 2019: 913, 919–920.

- Теории — модели — концепции / под ред. А. И. Миллера. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1994. С. 3–18.
- Фрейдзон 1999 — *Фрейдзон В. И.* Нация до национального государства. Историко-социологический очерк Центральной Европы XVIII в. — начала XX в. Дубна: Феникс, 1999. 96 с.
- Agnew 2007a — *Agnew H. L.* The flyspecks on Palivec's portrait: Francis Joseph, the symbols of Monarchy, and Czech popular loyalty // The limits of loyalty: Imperial symbolism, popular allegiances, and state patriotism in the late Habsburg Monarchy / ed. by L. Cole, D. L. Unowsky. New York: Berghahn Books, 2007. P. 86–112.
- Agnew 2007b — *Agnew H. L.* Symbol and ritual in Czech politics in the era of the «tábory lidu» // Nacionalismus, společnost a kultura ve střední Evropě 19. a 20. století: pocta Jiřímu Kořalkovi k 75. narozeninám / ed. J. Pokorný, L. Velek, A. Velková. Praha: Karolinum, 2007. S. 331–342.
- Bugge 2017 — *Bugge P.* Loyal in word and deed: The Czech national movement and the Habsburg Monarchy in the long nineteenth century // Exploring loyalty / ed. by J. Osterkamp, M. Schulze Wessel. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2017. P. 137–155.
- Gellner 1983 — *Gellner E.* Nations and nationalism. Ithaca: Cornell University Press. 150 p.
- Gellner 1997 — *Gellner E.* Nationalism. London: Weidenfeld & Nicolson. 114 p.
- Hanuš 2016 — *Hanuš J.* Editorial: Zachovej nám, Hospodine! // Kontexty: časopis o kultuře a společnosti. 2016. Vol. 8. № 6. S. 1.
- Havránková 1996 — *Havránková H.* Vznik Sokola a jeho vývoj do utvoření České obce sokolské // Blecking D., Havránková H., Kössl J., Roček A., Waic M. Sokol v české společnosti 1862–1938. Praha: Fakulta tělesné výchovy a sportu University Karlovy, 1996. S. 9–54.
- Jandásek 1936 — *Jandásek L.* Přehledné dějiny Sokolstva. Část I. Od vzniku Sokola (1862) do založení České obce sokolské (1889). Praha: Československá obec sokolská, 1936. 142 s.
- Judson 2016 — *Judson P. M.* The Habsburg Empire: A new history. Cambridge: The Belknap Press of the Harvard University Press, 2016. 567 p.
- Hlavačka 2017 — *Hlavačka M.* O ambivalentním vztahu Čechů k císaři Františku Josefovi I. // František Josef I. Sto let od smrti / ed. M. Loužek. Praha: Institut Václava Klause, 2017. S. 25–37.
- Kopřiva 2017 — *Kopřiva R.* Das Attentat von Sarajevo und der Sokolkongress von Brünn (Königsfeld) — eine Parallelaktion 1914? // Frieden und Krieg im mitteleuropäischen Raum: Historisches Gedächtnis und literarische Reflexion / hrsg. von M. Tvrđik, H. Haslmayr. Wien: New Academic Press, 2017. S. 259–294.
- Kořalka 1996 — *Kořalka J.* Češi v habsburské říši a v Evropě 1815–1914: sociálněhistorické souvislosti vytváření novodobého národa a národnostní otázky v českých zemích. Praha: Argo, 1996. 354 s.

- Nolte 2002 — *Nolte C.E.* The Sokol in the Czech lands to 1914: Training for the nation. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 258 p.
- Osterkamp, Schulze Wessel 2016 — *Osterkamp J., Schulze Wessel M.* Texturen von Loyalität: Überlegungen zu einem analytischen Begriff // Geschichte und Gesellschaft. 2016. Jg. 42. H. 4: Loyalitäten in supranationalen Ordnungen / hrsg. von M. Schulze Wessel. S. 553–573.
- Pernes 2005 — *Pernes J.* František Josef I.: nikdy nekorunovaný český král. Praha: Brána, 2005. 495 s.
- Pernes 2017 — *Pernes J.* František Josef I. a české země // František Josef I. Sto let od smrti / ed. M. Loužek. Praha: Institut Václava Klause, 2017. S. 61–75.
- Pešek 2016 — *Pešek J.* König ohne Krone: Franz Joseph und Böhmen // Franz Joseph 1830–1916 / hrsg. von K. Vocelka, M. Mutschlechner. Wien: Brandstätter, 2016. S. 52–55.
- Rak 2013 — *Rak J.* Zachovej nám, Hospodine: Češi v Rakouském císařství 1804–1918. Praha: Havran, 2013. 424 s.
- Rak 2014 — *Rak J.* Návštěvy císaře Františka Josefa I. v Čechách // Historická sociologie. 2014. Vol. 6. № 1. S. 119–126.
- Sak 2012 — *Sak R.* Miroslav Tyrš: Sokol, myslitel, výtvarný kritik. Praha: Vyšehrad, 2012. 327 s.
- Slačálek 2019 — *Slačálek O.* The paradoxical Czech memory of the Habsburg Monarchy: Satisfied helots or crippled citizens? // Slavic Review. 2019. Vol. 78. № 4. P. 912–920.
- Unowsky 2005 — *Unowsky D.L.* The pomp and politics of patriotism: Imperial celebrations in Habsburg Austria, 1848–1916. West Lafayette: Purdue University Press. 263 p.
- Urban 1999 — *Urban O.* František Josef I. Praha: Argo, 1999. 297 s.
- Velek 2008 — *Velek L.* České státní právo na toaletním papíře. Mýtus, skutečnost a jejich symbolický význam. Příspěvek k počátkům české moderní politické kultury a jejího dědictví // 19. století v nás: modely, instituce a reprezentace, které přetrvaly / ed. M. Řepa. Praha: Historický ústav, 2008. S. 301–327.
- Voegelin 1938 — *Voegelin E.* Die politischen Religionen. Wien: Bermann-Fischer Verlag. 65 s.

References

- Agnew, H. L., 2007a. The flyspecks on Palivec's portrait: Francis Joseph, the symbols of Monarchy, and Czech popular loyalty. In: Cole, L., Unowsky, D. L., eds. *The limits of loyalty: Imperial symbolism, popular allegiances, and state patriotism in the late Habsburg Monarchy*. New York: Berghahn Books, pp. 86–112.
- Agnew, H. L., 2007b. Symbol and ritual in Czech politics in the era of the «tábory lidu». In: Pokorný, J., Velek, L., Velková, A., eds. *Nacionalismus, společnost a*

- kultura ve střední Evropě 19. a 20. století: pocta Jiřímu Kořalkovi k 75. narozeninám*. Praha: Karolinum, pp. 331–342.
- Bugge, P., 2017. Loyal in word and deed: The Czech national movement and the Habsburg Monarchy in the long nineteenth century. In: Osterkamp, J., Schulze Wessel, M., eds. *Exploring Loyalty*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, pp. 137–155.
- Freidzon, V.I., 1999. *Natsiia do natsional'nogo gosudarstva. Istoriko-sotsiologicheskii ocherk Tsentral'noi Evropy XVIII v. – nachala XX v.* [Nations before nation-states: An essay in the Historical sociology of Central Europe, from the eighteenth to the twentieth century]. Dubna: Izdatel'skii tsentr "Feniks", 96 p. (In Rus.)
- Gellner, E., 1983. *Nations and nationalism*. Ithaca: Cornell University Press, 150 p.
- Gellner, E., 1997. *Nationalism*. London: Weidenfeld & Nicolson, 114 p.
- Hanuš, J., 2016. Editorial: Zachovej nám, Hospodine! *Kontexty: časopis o kultuře a společnosti*, 2016, 8, 6. P. 1.
- Havránková, H., 1996. Vznik Sokola a jeho vývoj do vytvoření České obce sokolské. In: Blecking D., Havránková H., Kössl J., Roček A., Waic M. *Sokol v české společnosti 1862–1938*. Praha: Fakulta tělesné výchovy a sportu University Karlovy, pp. 9–54.
- Hlavačka, M., 2017. O ambivalentním vztahu Čechů k císaři Františku Josefovi I. In: Loužek, M., ed. *František Josef I. Sto let od smrti*. Praha: Institut Václava Klause, pp. 25–37.
- Jandásek, L., 1936. *Přehledné dějiny Sokolstva. Část I. Od vzniku Sokola (1862) do založení České obce sokolské (1889)*. Praha: Československá obec sokolská, 142 p.
- Judson, P.M., 2016. *The Habsburg Empire: A new history*. Cambridge: The Belknap Press of the Harvard University Press, 567 p.
- Kopřiva, R., 2017. Das Attentat von Sarajevo und der Sokolkongress von Brünn (Königsfeld) – eine Parallelaktion 1914? In: Tvrdik, M., Haslmayr, H. eds. *Frieden und Krieg im mitteleuropäischen Raum: Historisches Gedächtnis und literarische Reflexion*. Wien: New Academic Press, pp. 259–294.
- Kořalka, J., 1996. *Češi v habsburské říši a v Evropě 1815–1914: sociálněhistorické souvislosti vytvoření novodobého národa a národnostní otázky v českých zemích*. Praha: Argo, 354 p.
- Kryuchkov, I.V., Kryuchkova, N.D., 2019. Istoricheskaia pamiat' i gabsburgski mif: posttravmaticheskii sindrom cheloveka XX v. i tovar obshchestva massovogo potrebleniia [Historical memory and the Habsburg myth: post-traumatic stress disorder of a human of the twentieth century and a social product of mass consumption]. *Dialog so vremenem*, 66, pp. 86–99. (In Rus.)
- Miller, A.I., 1994. Teoriia natsionalizma Ernesta Gellnera i ee mesto v literature voprosa [Ernest Gellner's theory of nationalism and its place in the literature on the subject]. In: Miller, A.I., ed. *Natsionalizm i formirovanie natsii. Teorii – modeli – kontseptsii*. Moscow: Institut slavianovedeniia i balkanistiki RAN, pp. 3–18. (In Rus.)

- Nolte, C. E., 2002. *The Sokol in the Czech lands to 1914: Training for the Nation*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 258 p.
- Osterkamp, J., Schulze Wessel, M., 2016. Texturen von Loyalität: Überlegungen zu einem analytischen Begriff, *Geschichte und Gesellschaft*, 42, 4: Schulze Wessel, M., ed. Loyalitäten in supranationalen Ordnungen, pp. 553–573.
- Pernes, J., 2005. *František Josef I.: nikdy nekorunovaný český král*. Praha: Brána, 495 p.
- Pernes, J., 2017. František Josef I. a české země. In: Loužek, M., ed. *František Josef I. Sto let od smrti*. Praha: Institut Václava Klause, pp. 61–75.
- Pešek, J., 2016. König ohne Krone: Franz Joseph und Böhmen. In: Vocelka, K., Mutschlechner, M., eds. *Franz Joseph 1830–1916*. Wien: Brandstätter, pp. 52–55.
- Rak, J., 2013. *Zachovej nám, Hospodine: Češi v Rakouském císařství 1804–1918*. Praha: Havran, 424 p.
- Rak, J., 2014. Návštěvy císaře Františka Josefa I. v Čechách. *Historická sociologie*, 6, 1, pp. 119–126.
- Sak, R., 2012. *Miroslav Tyrš: Sokol, myslitel, výtvarný kritik*. Praha: Vyšehrad, 327 p.
- Slačálek, O., 2019. The paradoxical Czech memory of the Habsburg Monarchy: Satisfied helots or crippled citizens? *Slavic Review*, 78, 4, pp. 912–920.
- Unowsky, D. L., 2005. *The pomp and politics of patriotism: Imperial celebrations in Habsburg Austria, 1848–1916*. West Lafayette: Purdue University Press, 263 p.
- Urban, O., 1999. *František Josef I.* Praha: Argo, 297 p.
- Velek, L., 2008. České státní právo na toaletním papíře. Mýtus, skutečnost a jejich symbolický význam. Příspěvek k počátkům české moderní politické kultury a jejího dědictví. In: Řepa, M., ed. *19. století v nás: modely, instituce a reprezentace, které přetrvaly*. Praha: Historický ústav, pp. 301–327.
- Voegelin, E., 1938. *Die politischen Religionen*. Wien: Bermann-Fischer Verlag, 65 p.

Viktor V. Kotov

Independent researcher, Moscow, Russia.
E-mail: vikvikkot@gmail.com

The Image of the Habsburg Dynasty in Czech Nationalist Thinking in the 1860s and at the Beginning of the 1870s (on the Example of the Sokol Movement)

This article analyses the image of the Habsburg dynasty in Czech nationalist thinking in the 1860s and at the beginning of the 1870s. This complex and changing image is explored through the case of the Sokol movement, which combined Czech nationalism with gymnastics. The research is based on the analysis of newspapers and other primary sources. The complexity of the analysed image derives from the existence of three interrelated currents of monarchist thought in the so-called Czech lands. The traditional current can be described as paternalistic, imperialist, and Catholic. The constitutional current was related to the emperor's acceptance of the limitation of his power. The third current was Czech nationalist monarchism characterised by the link between the concept of Czech historical state right and the prospect of Franz Joseph I's coronation as King of Bohemia. Among the main principles of Czech nationalist thinking was totalism, which in this case meant conceiving the nation as the supreme value. Among the consequences of putting Czech national interests over everything else were the merging of nationalist and constitutional currents of monarchist thought, the differential attitude towards Franz Joseph I's predecessors, and the alternation of manifestations of loyalty and disloyalty. Among the latter were the decisions of the Prague Sokol society not to take part in the emperor's visit to Prague in June 1868 and to purchase the copy of his rescript dated 12 September 1871, which contained the unfulfilled coronation promise. The totality of nationalism as a political religion and the existence of different interpretations of Austrianness led Czech nationalists to take it as simultaneously their anti-identity and subsidiary identity. Austrianness as the Czech subsidiary identity was related to the idea of multinational monarchy and the concept of Austro-Slavism, while the anti-identity was incited by the German and supranational interpretations.

Keywords: Austro-Hungarian Compromise, Austrian identity, Crown Prince Rudolf, Czech monarchism, Czech nationalism, Franz Joseph I, Fundamental Articles (1871), political loyalty, Sokol movement

How to cite: Kotov, V.V., 2022. Obraz dinastii Gabsburgov v myshlenii cheshskikh natsionalistov v 1860-e – nachale 1870-kh godov (na primere sokol'skogo dvizheniia). *Tsentral'noevropeiskie issledovaniia*, 2022, 5(14). Moscow: Institut slavianovedeniia RAN; Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, pp. 164–194. doi: 10.31168/2619-0877.2022.5.7.